

Провокатор.

(Быль).

Поздним вечером под окном старого Ефрема постучались.

— Кто тут?—вздувая огонь и подымая створку, крикнул он.—Митрий, ты?

— Я, дедушка Ефрем...—сказал десятский, толстогубый мужик, похожий на скопца.

— Чего-ж ты полунощничаешь?

— Да спешное дело, дедушка Ефрем... Завтра поутру на сход чтобы... Каку-то канитель выбирать велено...

— Да кто велел-то?

— А кто их знат... Должно—начальство... Члены... Были мы с Агафоном в городе, по хлеб ездили... Ему и велено... Ну-к, я пойду... А то до утра проходишь...

Ефрем посмотрел ему вслед, прислушался, как чудно грохочет во тьме его палочка под окном соседней хаты, цыкнул на собаченку и закрыл окно.

— Выдумщики,—сказал он, прикручивая лампу, и покарабкался на печку.

Деревня их была самая глухая, кругом в лесах, в болотах. И дорог то путных не было, до большака верст сорок хлюпать надо, да большаком до города сотню верст плестись.

И не мудрено поэтому, что вот прошло со дня февральского переворота больше полугода, а у них все по старому, будто ничего и не случилось. Переворот приняли покорно, как должное: «на все мол, воля Божья», о царе не горевали, только бабья часть с недельку потужила.

— Не нам, дуракам, рассуждение иметь,—говорили крестьяне,—там им в Питере видней... Пускай без царя поживет народишко, авось вольготней будет.

Как то по весне заглянули к ним в деревню «члены», молодяжник, в очках и без очков, давали объяснения, сулили землю, но где ее возьмешь? До ближнего поместья пятьдесят пять верст, в подоле ее, матушку, сюда не переносишь.

— Вот,—толковали члены,—будет вам земля, порядок, будет всего вволю, все будет дешево.

А на проверку—как будто по иному оборачивается: сулить легко, а поди-ка сделай.

У них, в Ельниках, еще туда-сюда, а вот в город лучше не заглядывай: приедешь за хлебом—сердце кровью обольется.

Один раз на такую перепалку утрафили, под такое стрельбище попали, что едва ноги уволокли... Разбой какой-то, содом-го-мора... Тьфу! А цены, на всякую вещь несусветные, в лавках пусто, ни керосину нет, ни сахару, про обутки, про ситец и говорить не стоит: все ободрались, словно зимогоры, даже девки давным-давно в лыках, да в своедельщине форсят...

— Вот эта свобода настоящая...-пеняли мужики и со вздохом вспоминали прежнюю свою жизнь.—Покорнице благодарим на таких полных правах.

Да оно и верно: для них прошлое было лучше настоящего, о том же, что сулит им в будущем свобода, они путем не знали.

II

Утром все согласно пришло к сборне и рассеялось на лугу большим кольцом. В середине встал высокий, сухой Агафон, староста. Он стоял опершись обеими руками на длинную палку и чуть расставив ноги. Шляпа гречневиком, борода длинная, льняная, щеки крепкие, облупленные солнцем.

— Ну, братцы, мир честной... значит, такие у нас дела...— начал он и, раскачнувшись, описал дугу верхним концом палки.

Все откашлялись, насторожили слух.

— Были мы с Митрием третьеводнись в городе и явились по начальству, значит, к члену... Ну, допрашивает меня... Потом говорит: Не путем вы живете... Везде, говорит, рива... ри... Митрий, как он сказал-то?

— А пес его ведает... Нешто упомнешь...

— Вот то-то, что неграмотные мы... списать бы... Ах ты, пес... Ну, одним словом, и сделал всей нашей деревне большой конфуз... И велел избрать...

— Канитель,—подсказал Митрий.

— Врешь!..—перебил Агафон.—Врешь... Камитет... вот как. Стало быть, из пяти хозяев... И ладил сюда заехать проверку сделать. Вот... Теперича обсказал вам все как было... всему вашему согласью... Ну, как?

— Чтс-ж... знамо, надо...—раздались голоса...—Мы люди смиренные... Должны сполнять...

Выбирали долго, друг друга уговаривали, кричали, спорили, наконец, комитет был избран, и староста Агафон оказался председателем.

Надо бы домой идти, но погода задалась хорошая, стояло бабье лето, светило солнце, да и день был праздничный, можно посидеть, покалякать. Стали о войне толковать, стали угадывать, когда войне конец. Один говорит:

— Сорок два месяца и аминь. Было такое предсказанье... По старым книгам так выходит...

Другой говорит:

— А вот, согласье, я видел сон... Пригрелся во снях сам Вильгельма царь... Говорит мне быдто бы, а сам саблей машет: подставляй башку!.. ежели ссеку—конец войне. Согласен? Я сробел, да бежать... Проснулся весь взопревши...

В это время подъехала к „согласью“ подвода и веселый человек, сидевший в дрожках веселым голосом сказал:

— Здорово, старики. Чего вы тут, митинг, что-ли?

— Да вроде этого.. Вот камитет выбирали...

— Комитет? хе-хе!..—ухмыльнулся веселый, провел ладонью по усам и спросил:

— А провокатора избрали?

— Провокатора?—переглянулись мужики.—Нет, мы провокатора не тово... не выбрали...

— Митька!—крикнул Агафон.—А что член не говорил нам про этого самого... как его?.. провокателя-то? А?..

— А пес его знать... Стало быть, говорил...

Веселый захихикал в рукав, сощурился по озорному и сказал:

— Провокатора обязательно надо выбрать. Главное лицо... Какой же без провокатора комитет?.. Эх вы, дурьи башки!

Потом стегнул лошадь и уехал.

Согласье, огорошенное, изрядно помолчало.

— Братцы,—наконец проговорил Агафон и поправил на голове гречневик.—Кто хочет в провокатели?

— Кто, кто...—пробасил длинноусый кузнец Осип.—Тут надо человека дельного на эту должность, крепкого... чтоб верный был, хозяйственный... Главное лицо..

— Конечно... Правильно!.. Это тебе не грязи шмяк.

— Что-ж, братцы... давайте дедушку Ефрема упрашивать,—присоветовал Агафон и, сняв гречневик, поклонился старику:

— Ефрем Ипатыч... всем согласьем жалаем тебя...

— Жалаем!.. Не отпирайся, Ефрем... Не отпирайся!..

— Потрудись гля миру... Ты самый почтенный... вполне доверяем.

— Чего тут толковать зря... Первый по деревне...

— Чего по деревне!.. А пожалуй и в волости мало таких... Вот что...

— Нет, ребята...—закрутил головой Ефрем... Где мне... Я старик... Тут дай Бог молодому...

— Ничего, Ефрем Ипатыч... В случае пособим... Братцы! Кланяйтесь... Согласен, что-ль?

— Ну, дак чего, робяты... Коли так, согласен...

Все удовлетворенно улыбнулись, что так скоро, не ломаясь, согласился дед, и сам Ефрем, тронутый вниманием, тоже улыбнулся, даже слезы показались; вынул красный платок, утерся, сказал:

— Спасибо, мир честной... спасибо.

Агафон подошел, похлопал его по плечу:

— И тебе спасибо, Ефрем Ипатыч... Вот и провокатель стал... Вроде нашего набольшого. Главное лицо.

У Ефрема одна за другой катились стариковские слезы. Чтож, и он готов для народа потрудиться... Чтож, дело мирское, Божье...

Он возвращался домой, подняв голову. Душа его была в радости—слава Тебе, Господи, что прожил жизнь честь-честью, все согласье как один, удостоверило, что он первейший человек по всей деревне, да что деревня,—по всей волости.

—Слава Тебе, Господи... Дай Бог, дай Бог,—умильно шептали его губы, и сердце исходило любовью к людям.

А поздно вечером бубенцы прозвякали, какие то проезжающие катили с форсом: солдат с котомкой, да двое вольных. Они что то кричали, размахивая руками, горячо о чем то спорили, а солдат горланил песню.

—Хвативши подходящие... должно из города,—подумав любивший выпить кузнец Осип.—Должно с вином... Эх, хорошо бы попросить.

У него засосало под ложечкой, он вышел на дорогу, навстречу проезжающим.

—Стойте-ка... Вы куда?—спросил кузнец.

Те остановились.

—Не из города ли?... Ах, в волость? В комитет? Так, так... А не пожелаете ли чайку испить?

Солдату хотелось сделать передышку, дорога тряская, да и лошадь утомилась, но двое вольных начали перечить.

—У меня сегодня пирог с рыбиной с хорошей,—сказал кузнец, умильно посмотрев на оттопырившийся карман солдата, и сглонул слюни:—харроший пирожок... настоящий.

—А у меня спирт есть,—доставь бутыль,—сказал солдат.

—Очень просто,—облизнулся Осип.—У нас тоже камитет сегодня избирали... Я в камитетчиках... У меня бы и за ночевали... А не то у провокатора. Темно уж... ехать-то...

—У кого? У провокатора?—вскричали все сразу, а солдат свесил ноги и спрыгнул.

—У кого?

—У провокатора, мол... Старичек один... Ефрем...

—А где же он?—спросил солдат и глаза его стали злыми.

—А эвот... эвот. В этой самой избе. У него—простор.

—Товарищи, ну-ка!—обернулся солдат к вольным и бросил им возжи.—Я сейчас.

Ефрем сидел за столом, ужинал, молодуха качала зыбку, а подросток мальченка ловил бегавших возле печки тараканов.

—Ты Ефрем?—спросил солдат, вваливаясь в избу.

—Я самый... Ефрем Ипатов.

—Ты правокатор?

—Правокатор...—сказал, рыкнув, Ефрем и утер бороду.

Солдат сгреб его за ворот, дернул к себе и, встряхнув бросил в стену.

—Дак ты правокатор?!

—Так точно, правокатор...

Солдат развернулся и ударил старика в лицо. Из разбитого носа полилась кровь.

—За что же это?

—Убью!!...—Солдат хватил его об пол и, лежащего, ударил сапогом в бок.

Баба с визгом, выбежала вон, ребенок благим матом заревел. В избу вошли Митрий с Осипом и двое вольных.

—Таци в чижовку! Вяжи его! Ну, живо!..—командовал солдат.

—Где чижовка?!

Старика поволокли. Он весь дрожал, не говорил ни слова, только вздыхал и крестился.

Его заперли на сборне. Солдат, не переставая, всю дорогу страшал:

—Не-ет... Я этого дела не оставлю... Революционный суд... Предать суду!.. всех закатать!.. Укрыватели!..—И еще выкрикивал разные страшные слова.

Митрий с Осипом, как истуканы, то молчали, то поддакивали, и тряслись всем телом.

—Седни утресь мы стали выбирать канитель...—несмело начал Митрий.

—Какую канитель?!

—То бишь, камитет... Пес его знает... И в это время самое кодьехал паныч...

— Какой паныч? Панычей теперь нету!—вновь оборвал его солдат.

А приезжие, рыжеватый да чернявый, что то пытались разъяснить им, враз оба говорили, называли их товарищами, размахивали руками, говорили, как трещотки, но сбитые с толку мужики ничего не могли уразуметь.

— Нет, оставить так нельзя...—без умолку твердил солдат. Скрутив в одночасье дело, проезжащие решили:

— Едем в волость...

Они сели в телегу, выпили по глотку спирту, и тронулись в путь.

Ругаясь и плача, надсадисто кричала у ворот Ефремова сноха, влаивали собаки, позвякивали бубенцы. А одураченный Осип уныло посвистал им вслед и сердито сплюнул.

— Вот-те шпирт...

Вся деревня по праздничному делу спозаранку завалилась спать, и возле Осипа с Митрием стояли с недоуменным видом всего лишь трое мужиков, какая-то старушонка, да пастух-горбун.

— Оказия, братцы... Ай-да Ефрем...

— Видно, выщее распоряженье такое есть... Указ...

— Знамо, не зря. Втетак, народ хворсистый. И солдат, видать, из унтеров.

— Зря ноне тоже не будут в морду бить. Теперича не старые распорядки...

— Век с человеком жили, не знали... Оказия.

III

Рано утром Агафон собрал сход. Миртий с Осипом объяснили всему согласью, как было вчера дело. Согласье ничего не понимало. Одни на чем свет костили Осипа—„Черти-то тебя дернули остановить их!“—и требовали сейчас же выпустить Ефрема. Другие говорили:

— Надо, ребята, Агафону в волость смахать... А то как бы чего не было...

— Знамо... Ослобонить легко, а кто в ответе будет? Все мы-жа!

— А ежели, братцы, на поруки взять?

— На поруки?.. Что-ж, на поруки ничего... На поруки ежели, можно... И уж Агафон от каморщика ключ потребовал, как Митрий крикнул:

— Едут!

Действительно, к сборне подкатили на двух подводах. Ни

солдата, ни рыженького не было, один чернявый. С ним учитель да еще каких-то трое молодцов.

— Здравствуйте, товарищи,—поздоровался учитель.—А где у вас провокатор?

— Провокатор под замком...— сказали мужики и поднялись на ноги.

—Тащите-ка его сюда... Да стол бы, что-ли... Устроим суд.

— Дозвольте узнать, ваши милости, за что-же его судить?— спросил Агафон, потупясь и ковыряя землю палкой.—Мы люди смиренные, послушливые... Вчерась собрали мы сход и начали...

— Пойдите, товарищ,—перебил его бритый человек,—вы ведите-ка его сюда...

Вывели Ефрема. Нос его опух, глаза покорные, седая борода и волосы всклокочены. Он посмотрел на незнакомых, на односельчан, опустил голову, вздохнул. И мужики вздохнули.

— Странно,—шепнул учитель сидевшему с ним рядом человеку в очках.—Удивительно... Старик.. и такой благообразный...

— Бывает,—ответил тот октавой.

Учитель пристально посмотрел на Ефрема, вынул карандаш и приготовившись писать, спросил:

— Кто вы такой?

— Ефрем Ипатов... Хрестьянин...

— Та-ак... Гражданин Ефрем Ипатов... Сколько лет? Шестьдесят пять? Так... Вы провокатор?

Ефрем подумал и сказал:

— Так точно... провокатор.

Он произнес это слово просто, только чуть борода затряслась, и дрогнули мускулы лица.

— Та-ак...—протянул учитель, а сосед снял очки и прищурился на старика.

— И давно вы провокатором?—спросил чернявый ядовито.

— Не вовся... Недавно я... А вчерашний день меня мир избрал...

— То есть как—избрал? Провокатором?!

— Так точно, в провокаторы,—старик боднул головой и кашлянул, от волнения ему трудно было дышать.—Утром, быдто бы, избрали, а за ужином пришли люди и стали меня бить... Вот лицо разбили... вот спина болит... об стену меня... об пол... А за что—не знаю... Бог им судья...

Все крестьяне и приезжие смутились, все почувствовали жгучий стыд, а Ефрем прислонился к крылечному столбу, зак-

рыл глаза ладонью, и плечи его заходили. Стоявший рядом с ним Агафон, видя, что старик плачет, обратился к судьям:

— Дозвольте вашим милостям сказать, как вас возвеличать, не знаю... ваши благородья... Собрали, значит, мы вчерась сход...

— Погодите, гражданин... всех спросим... и вас тоже... Слушайте, товарищи!—громко сказал учитель, обведя взглядом все безмолвное согласие.--Тут что-то не так, недоразумение какое-то... Чуть... Вот ответьте по чистой совести, давно вы знаете этого человека? Замечали-ли за ним что-нибудь плохое, предательство какое-нибудь?

Тогда враз все ожили, задвигались, закричали:

—Самый первейший мужик!..

—Ефрем-то Ипатыч? На всю волость первый.

—Справедливый...

—Сажай нас всех в тюрьму, а его не отдадим...

—Не отдадим... не отдадим!..

Учитель встал и замахал руками:

— Погодите! Стойте... Не все сразу...

Но толпа шумела, окружая стол.

У старика Ефрема вдруг ослабели ноги, и он, сползая плечем по столбу, опустился на землю.

— Граждане-крестьяне!—стараясь заглушить голоса, крикнул учитель.—К порядку... к порядку! Расскажите, как было...

Агафон вышел вперед и, держась за палку, начал дрожащим голосом:

— Были мы не давно с Митькой в городе, а там оказались члены... Вот члены приказали нам выбрать комитет, потому что мы даже совсем темный народ...

—Ну, положим, не поэтому...—пробурчал, в очках.

— Опосля того возвратились мы домой и стали избирать комитет. А проезжал какой то паньч... Он нас спросил: „А выбрали-ль провокатора? Мы сказали—нет.

— Да вы знаете ли, что означает провокатор?!—воскликнул учитель, изумленно вскинув брови.—Что такое провокатор?

Крестьяне растерянно посматривали друг на друга, приезжие улыбались. Один искусал все губы, чтобы не фыркнуть, другой уткнул лоб в край стола, прикрылся широкой шляпой и хихикал.

— Господи Боже,—всплеснул учитель руками.—Они не знают, что провокатор значит—предатель, доносчик, подлец, тварь!—Он топнул ногой.—Тьфу!—вот кто провокатор.

Наступила тишина. Только слышны были вздохи крестьян.

Агафон кашлянул, описал палкой дугу и, волнуясь, сказал:

— Мы народ глупый, простенький... мы в Бога веруем и промеж нас никаких предателей, али прочего дерьма не родится... Вот что.

Приезжие пристально глядели на него, а он, стуча в землю длинной своей палкой и весь залившись краской, возбужденно говорил:

— Слава те Христу, весь свой век потихохоньку прожили, и ваших почестей нам не надо... Камитетов нам не надо!.. Царя ежели вы скovyрнули—ничего... Сроду его не видали, и пес с ним... Ну почести ваши, чтобы там, скажем, я председателем каким был, это нам ни к чему... Вот старику Ефрему вчера почесть сделали, по рылу надавали на старости лет... Это что? Благодарим покорно... Вчера ему почесть, а через неделю приедет какой ни то обормот, да мне вот такую же почесть загнет, полбороды, допустим, выдерет, али бо кому другому... А опосля того суд?... Нет, братцы, господа члены... Мы правдой привыкли жить, так родители наставляли нас... Правдой, мол, правдой... А это не резонт, чтобы по зубам да об стену... Пес с ней и со свободой... Век не видеть!..

У Агафона вспыхнули даже уши, борода еще больше раскуделилась, а палка истыкала под ногами всю землю. Мужики поддакивали, тяжело сопели, одергивали рубахи, крикали, кричали:

—Правильно... Верно... Пес с ней и со свободой!..

Приезжие стали угрюмы, сосредоточенны. Учитель, опершись на стол локтем, крутил горстью чуб, губы нервно сжались, а молодое болезненное лицо стало хмурым.

—Вы кончили, товарищ?—спросил он.

—Мы кончили,—с сердцем ответил Агафон, достал трубку и стал закуривать. Руки его тряслись.

У стола стояла густая толпа, постепенно набирались бабы, девки, ребятенки. Чья то сердобольная рука поставила на стол жбан квасу. Небо было безоблачно, солнце пекло по-летнему. Над головами чирикали воробьи, оклевывая красную рябину.

Учитель отхлебнул квасу и поднялся. Он подслеповатыми глазами посмотрел на Агафона и стал мягко говорить, располагающим ласковым голосом:

—Дорогие товарищи, граждане-крестьяне... Выслушайте меня...

—Говори, говори... Жалаем...

—Здесь произошел странный, печальный случай... Здесь какие то скверные людишки, хулиганы и мошенники, оскорбили вот того почтенного, всеми уважаемого старца... Ефрема Ипатыча...

Все взглянули на Ефрема. Тот сидел, скрючившись, на приступках, понуря голову и что то шепча.

—Но об этом я скажу после, а пока разъясню вам, как умею, что такое свобода... Вы боитесь этой свободы, потому что не знаете ее. Ваша деревня в стороне, в болотине, в тумане... Там рубят лес, а сюда и щепки не долетают... Свобода и правда—одно и то же. Без правды, без справедливости, товарищи, не может быть свободы, и без свободы не может быть правды на земле...

Он говорил долго, приводил примеры, случаи, рассказывал понятными словами, что произошло в России, что должно произойти во всем мире, что такое означает человек, откуда он пришел, куда идет и куда должен притти.

—К солнцу Правды!—торжественно воскликнул учитель,—потому что все минется, одна правда останется...

Он так просто и трогательно говорил, что лица слушающих прояснились, бабы сморкались и всхлипывали, даже Ефрем встал со своего места, протискался вперед и, крестясь вздыхал

—Дорогие братья! Ну, как же, как мы искупим свою вину перед ним?—протянул учитель обе руки к Ефрему.—Мы виноваты в этом, мы, понимающие, грамотные, ученые, мы!—Он ударил себя в грудь и откинул голову.—Какой то хулиган, провокатор, настоящий провокатор и подлец поиздевался над вашей темнотою. А почему вы темные? Эх, тошно говорить...—Он взмахнул вниз рукой и горестно сморщившись, отвернулся.

—Товарищи, братья!! Давайте все, и мы, и вы, всем миром просить прощенья у этого старца... Дедушка Ефрем, прости!.. Ради Христа прости... Ну, ударь меня по щеке, я поставлю другую... Ударь еще...

—Что ты, Бог с тобой, что ты!—Измученно сказал Ефрем и попятился.—Как это можно, чтоб ударить человека... Мысленное ли это дело?!.. А только что, вот что...—Ефрем взглянул на учителя голубыми и ясными, словно у ребенка, глазами и, неожиданно пал на колени, громко завопил:—Сделай ты такую Божескую милость, мудрящая твоя головушка, расстриги ты меня от этой должности, как попа худого!.. Потому—в провокаторах служить тяжко мне, старик я... Ради Христа, мил человек...

—Дед... Дедушка...—опрокинув табуретку, кинулся к нему учитель.—Нельзя же так... Нельзя... Встань!—Он поднял стурика и, обнимая его, сказал:

—Дедушка... Ефрем Ильич... прости...

И оба они, старый Ефрем и молодой учитель, умиленными, глазами смотрели друг на друга.

„Н. Ж“.

Вяч. Шишков.

Последние события.

Бои во Франции. Немцы на Украине. Захват немцами Финляндии. Смерть генерала Корнилова.

Во Франции все эти две недели продолжались ожесточенные бои немцев с английскими и французскими войсками. После небольших передышек бои возобновлялись снова и снова, на разных участках северно-французского фронта. Наступающей стороной все время были немцы; английские-же и французские войска если и переходили в наступление, то только для отражения немецких атак или для возвращения потерянных позиций.

Местами немцам удается несколько продвигаться вперед; но весьма понемногу. Если доверять их сообщениям, они взяли в плен больше 120 тысяч англичан и около 2000 орудий; но едва-ли это может быть правдой. Ведь после таких огромных потерь пленными и лишившись такой массы пушек англичане, конечно, были-бы совсем расстроены и на некоторое время оказались-бы неспособны сопротивляться, как это бывало после больших потерь с австрийскими войсками на нашем фронте. А между тем, по ходу сражения мы видим, что немцы, наоборот, встречают все более и более сильное сопротивление. Значит, их противники англичане вовсе уж не так сильно разбиты и потрепаны.

Украина почти вся занята войсками украинской рады и помогающими им немцами и австрийцами. Немецко-австрийские войска вошли, преследуя украинские советские отряды, в пределы Курской, Воронежской и Таврической губерний, которые считаются русскими, а не украинскими. В Таврической губернии немцы, по последним сообщениям, заняли уже Симферополь и, значит, находятся всего в нескольких десятках верст от Севастополя.